

И. Ю. Млодик

**В ТУННЕЛЕ
МАГИЧЕСКОГО
МЫШЛЕНИЯ**

**ОБЕРЕГАЯ
СЕБЯ
ОТ РЕАЛЬНОСТИ**

Ирина Юрьевна Млодик В туннеле магического мышления. Оберегая себя от реальности

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68983116

В туннеле магического мышления. Оберегая себя от реальности:

Генезис; М.; 2023

ISBN 978-5-98563-669-7

Аннотация

Новая книга Ирины Млодик, опытного психотерапевта, автора множества научно-популярных публикаций, посвящена магическому мышлению. Что это такое, когда и как возникает, как проявляется и для чего нам нужно? Почему мы, даже становясь взрослыми, продолжаем верить в волшебные таблетки, тайные знания и простые способы решения сложных проблем? Что нам остается, когда вместе с иллюзиями на беззаботную жизнь мы утрачиваем веру в чудо и доброго волшебника?

В книгу входят художественный роман, иллюстрирующий феномен магического мышления, и статья, объясняющая суть этого явления с точки зрения психотерапии. И статья, и роман предназначены для широкого круга читателей, однако будут

полезны психологам и психотерапевтам, которые постоянно сталкиваются с проявлениями этого феномена на практике.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

В туннеле	6
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Ирина Юрьевна Млодик
В туннеле магического
мышления. Оберегая
себя от реальности

© Млодик И. Ю., 2023

© Издательство «Генезис», 2023

В туннеле

Каждое утро он просыпался бодрым и полным надежд. Его молодое тело пробуждалось переполненным желаниями, о чем с воодушевлением и не оставляющей никаких сомнений достоверностью заявляла о себе утренняя эрекция. Сходив по нужде, он с гордостью и любованием омывал себя в душе, радуясь не очень рельефным бицепсам и лишь слегка накачанным ногам, с благоговейностью молодого любовника растирал под струями воды каждую часть своего еще вполне молодого тела. Потом, стерев на запотевшем зеркале патину тумана и пригладив светлую солому волос, он расплывался в улыбке, с удовольствием разглядывая светло-голубые глаза, чуть заметные ямочки на щеках, крепкие зубы и улыбку, от которой таяло почти любое девичье сердце.

Он был хорош собой, знал это и был совершенно убежден, что любой человек получает ровно столько же удовольствия, рассматривая его, сколько получает он, глядя на себя в зеркало и возя затупившимся станком по быстро отрастающей за ночь щетине.

Каждое утро он вставал с ощущением, что его ждут великие дела. Дело в том, что Димас (именно так зовут нашего бодрого героя) непреклонно и убежденно собирался разбогатеть в самое ближайшее время. Разбогатеть нужно было как можно скорее, потому что жить в разваливающейся ста-

рой хрущевке в Медведково ему было обидно и неудобно: из туалета все время пахло чем-то гнилостным, смешанным с запахом ржавых труб, раковина в ванной треснула в нескольких местах, штора уныло висела на нескольких оставшихся петлях, остальные он порвал, уж не помнил как, а потом и вовсе перестал задергивать штору, чтобы видеть свое отражение в запотевающем зеркале.

Да и кухню он не любил: там все время горой лежала грязная посуда, крошки, обрывки упаковки, стаканы с въевшейся ржавчиной бывшего чая и давно засохшая кожура от мандаринов. Весь этот натюрморт не создавал уюта, а дээспэшная кухонная мебель цвета «унылый белый» навевала глухую тоску и напоминала о том, что живет он как-то не так. Не здесь он должен быть, не здесь.

Диван в его единственной комнате никогда не собирался, поскольку механизм у него в какой-то момент заело, что было кстати, потому что собирать постель ему казалось делом весьма обременительным и ненужным: он здесь ненадолго, вот скоро разбогатеет, и у него будет квартира со спальней, уборщицей и всем остальным, что полагается богатому человеку. Поэтому скомканная постель, весьма несвежая с виду (стирать постельное белье он тоже не собирался), придавала комнате вид разоренного гнезда, и все остальное в ней: старый сервант с советским хрусталем – чьим-то воплощением богатой жизни, типовой шкаф и пузатый телевизор – не бросалось в глаза, отходило на задний план и не создавало

особой изюминки в этом и так эстетически не самобытном интерьере.

Наводить порядок в несобственном жилье – дело мелкое, к Димасу не относящееся, так он считал, нисколько не обременяя себя хоть какой-то хозяйской ответственностью. Его масштаб – дела великие: богатство само к нему не придет (хотя он был бы совсем не против), поэтому, щедро намазав подмышки дезодорантом, так кстати обещающим немедленное и страстное притяжение особ женского пола, как сообщалось в рекламе, надев свежую футболку (ее-то он как раз стирал и вообще к собственной одежде относился с определенным трепетом), джинсы, ветровку и давно подуставшие, но брендовые кроссовки, он бодро вышел на площадку и под шипение старухи-соседки из соседней квартиры, близорукоковырившей ключом свою дверь: «Ишь, Верка опять себе нового хахаля завела!», стал пружинисто спускаться с четвертого этажа, не замечая буйной подъездной росписи на стенах, отражавшей подростковое и крайне эротизированное житие малолетних жильцов подъезда.

На сегодня ему предстояло несколько важных дел: снова занять денег (для начала, правда, надо было решить, кто на этот раз будет спонсировать его взлет к вершинам благосостояния), забрать готовые флаеры, встретиться с Никитой, его новым другом и партнером по МБЛ (молодым бизнес-львам), и пойти по школам убеждать директоров раздавать флаеры родителям на родительских собраниях, чтобы

они отдавали своих детей в их английский лагерь. Такое вот у них теперь дело – лагерь «Умней и богачей!». Наберут учителей – Никита говорит, что парочку хороших уже знает – найдут какую-нибудь подмосковную базу, засунут туда тех и этих, в смысле детей и учителей, и... гребни себе деньги лопатой.

Главное, чтобы родители начали сдавать деньги. Сайт-то он уже сделал, ну как сайт, не сайт, конечно, – лэндинг, но там все, как положено: расписано, для кого этот лагерь, что получают эти дети и родители в кратчайшие сроки, множество привлекательных скидок, ну и предупреждение, что все места уже практически заняты и остается буквально несколько последних возможностей, и, само собой, еще немножко ниже – обратный отсчет времени, который тревожно отматывает часы и секунды, отделяющие ответственных родителей от последнего шанса купить своим детям путевку в светлое языковое будущее.

Ему страшно нравился результат его труда. Лэндинг он, конечно, делал не сам, но зато там все задумки его, личные. Как сделано-то, а? Парень, который делал лэндинг, написал, что пришлось исправлять много орфографических ошибок и он не уверен, что исправил все. Но кто заметит там какие-то ошибки? Зато шрифты какие! А цвета, а вдохновляющий на покупку текст! Они не смогут устоять. Тем более что они сделали все, как их учили, а те, кто их учил, вон уже какими деньгами ворочают. Ну а раз те смогли, то и они с

Никитой смогут – не тупее, поди, всех.

Димас шел к метро, с воодушевлением подмечая распустившуюся зелень, при этом низкий лоб его, прикрытый соломенной челкой, не морщили думы о том, где ему взять минимум тридцать тысяч, чтобы заплатить за флаеры и положить денег на телефон, а то ну как начнут звонить возбужденные возможностью родители, а у него «абонент недоступен».

Немного не доходя до метро, он вдруг свернул влево, решив заглянуть в супермаркет со знакомой красной крышей, и обрадовался своей удаче, заметив за кассой Веркину крепкую фигуру, стиснутую красным полупрозрачным фартуком. Проведя рукой по соломенным волосам, он уверенно проложил курс прямо к нужной ему кассе, не забыв включить одну из своих самых обаятельных улыбок.

– Верунчик, привет. Как же ты хороша сегодня, прям светишься вся. Что, удачная ночь?

Верочка слегка засмушалась, заправила невыразительные тусклые волосы за ухо и с каким-то облегчением улыбнулась ему в ответ:

– Ну что, ты, наконец, принес мне деньги за квартиру? Какая ж у меня может быть удачная ночь, если я квартиру тебе сдала, а сама с бабкой в одной комнате сплю, а она храпит, точно буровая установка.

– Вер, понимаешь, мне всего тридцать тысяч нужно. У нас уже все на мази, сегодня с Никитой идем снимать куш, скоро

денег будет невпроворот, я тогда тебе все отдам, сразу же. Вер, тебе первой, ты ж знаешь, я честный.

– Ты охренел совсем? Ты ж мне и так уже за три месяца должен. Я ж тебе квартиру сдала, чтобы себе зубы сделать, куда я с такими зубами, меня ж никто замуж не возьмет, а мне уже тридцать. Я у бабки кантуюсь, мы друг друга уже видеть не можем, а ты еще денег занять у меня хочешь? – Верка засуетилась, полезла в карманы и почему-то вытащила из кармана мобильник, зажигалку и ручку.

– Вер, ну ты что? Я ж отдам, ты меня знаешь. И твои зубы тебя совсем не портят, зря ты так. Да любой мужик тебя возьмет, с радостью, хоть сейчас, чего ты комплексуешь, Вер, ты это брось. Даже как-то обидно за тебя, – Димас вынужденно сместился от кассы немного назад: суровый дед в потертой кепочке заканчивал выкладывать из корзины на ленту картошку, капусту и две консервные банки каши с мясом. Дед неодобрительно оглядел конкурента, готовясь разразиться возмущенной нотацией о том, что «всякие тут отвлекают работника торговли», но отчего-то промолчал. Верочку он знал давно и был признателен ей за доброе обхождение и готовность помочь, а этот молодой хлыщ ему сразу чем-то очень не понравился. От таких добра не жди. Зачем это он тут ошивается. Явно ж не за покупками пришел.

– Верочка, а яблоки сегодня со скидкой? Чегой-то я проглядел сегодня, – дед решил показать этому молодому, что он тут тоже не посторонний человек.

– Сегодня нет, дедушка, может, завтра будут. Сегодня только на лук репчатый, если вам нужно.

Дед покачал головой, еще раз строго и с укоризной посмотрел на вихрастого молодого, с трудом засунул в потерянный пакет продукты и, собрав сдачу в трясущийся кулачок и скособочившись на одно плечо, неспешно пошел к выходу.

– Ве-е-ер, ну Вер, хочешь, я тебе шоколадку куплю, ты с чем любишь – с орехами или просто молочный?

– Не нужна мне твоя шоколадка, – Вера чуть хмурилась, но и улыбалась одновременно, стараясь не слишком показывать кривенькие зубы, которых стеснялась, но, черт, ему так трудно было не улыбаться, ведь обычно молодые парни с ней не заговаривали, а хмуро просили сигареты или торопливо переминались, пока она выбивала им алкоголь. – Мне ж худеть надо, а не шоколадки лопать, да и денег таких у меня все равно нет. Вчера аванс дали – пятнадцать тысяч всего, а жить-то на что?

– Ну дай хоть пятнадцать, и продуктов покупать тебе не надо, раз ты худеть собралась. А я тебе очень скоро все отдам, да еще в похудательной клинике курс оплачу, там знаешь каких результатов народ добивается – офигеть! За два месяца делают себе совершенно новые фигуры, и все на каких-то новых БАДах на основе зеленого кофе и еще каких-то микроорганизмов, прикинь, я рекламу видел.

– Это ты где такое видел? По телеку?

– Да не, ты что, такое по телеку не показывают, это ж элит-

ная клиника, туда только особая публика попадает, я видел ее в журнале у одних... партнеров своих. Я ж, Вер, с кем попало не работаю, со мной такие люди сотрудничают, их даже в телевизоре не увидишь, потому что им, с их секретностью, ни в какой телевизор нельзя. И потому все самое лучшее у них только среди своих распространяют, ну чтобы не стал кто попало ломиться за самыми передовыми наработками, понимаешь?

– Да понимаю. Как уж нам, простым смертным, не понять-то. Нас там никто не ждет. Ну на, не пятнадцать, четырнадцать триста осталось, но триста я себе оставлю. А отдашь-то когда?

– Скоро, Вер, очень скоро, ты ж меня знаешь, я человек честный! – для пущей убедительности стукнул себя в грудь и просияв чарующей улыбкой, Димас наскоро чмокнул Верочку в пухлую щеку и направился к дверям, на ходу соображая, хватит ли полученного на самое необходимое. Не тридцать, конечно, но все же.

* * *

Валерий Стефанович восседал в своем любимом ортопедическом кресле, немного приподняв ноги, отвернувшись от рабочего стола, заваленного бумагами и придавленного сверху громадой монитора, и безрадостно таращился в панорамные окна своего офиса, безучастно наблюдая за тем,

как самая деловая часть города пытается отразиться в окнах небоскреба напротив. Думать о работе совсем не хотелось: чередой мелких проблем, назойливость задач, неотвратимость совещаний и регулярных деловых встреч вызывали в нем привычное уныние и тоску, порождали странные фантазии – желание стать птицей. Но не каким-нибудь банальным городским голубем, конечно, а удивительной, невиданной в этих краях особью. Она бы взлетела над Сити, широко расправив крылья, какое-то время парила между небоскребами, заставляя офисных работников отвлечься от дел и таращиться в окно, наблюдая за ее плавным полетом, а потом, взяв курс вдоль реки, полетела бы над Москвой – свободная, живая, настоящая.

Назойливая напоминалка на телефоне звенела уже в третий раз, а это означало, что он уже на пятнадцать минут опаздывает на пятое сегодня по счету бессмысленное совещание. Он опустил ноги, тяжело приподнялся с кресла, как будто в нем двести килограммов или ему восемьдесят лет, а не сорок с небольшим при достаточно собранной фигуре, горестно вздохнул и пошел вселять надежду и оптимизм в своих сотрудников.

Переговорная, тоже с панорамными окнами, была залита солнцем, которое уже клонилось к закату и щедро наполняло золотом небоскребы, даруя работникам призрачную надежду на скорое завершение рабочего дня. Самые осознанные из них специально приходили на совещание чуть пораньше,

чтобы занять места лицом к заходящему солнцу, Впрочем, конечно, не все задумывались о таких мелочах, разве что молодежь, привыкшая получать от жизни все и еще чуть-чуть больше.

Валерий Стефанович, слегка опустив плечи, отчего у него был всегда немного виноватый вид, прошел на свое место. За ним тенью проследовала его помощница Алевтина – поменять ему чашку кофе, предыдущий уже успел остыть. Она прекрасно знала – без кофе шефу совещание не вытянуть. Садиться он не стал: знал, что потом при всех грациозно не встанет и его усталость станет очевидной всем сотрудникам, а усталый босс – это так демотивирует...

– Я просмотрел наш отчет по предыдущему кварталу. Должен вам сказать, что он... очень прилично выглядит, – Валерий Стефанович, слегка опираясь о кресло и возвышаясь над сидящими сотрудниками, сделал пару глотков из кофейной чашки. Он намеренно выдержал небольшую выразительную паузу и мягко улыбнулся, его карие глаза с опущенными уголками (отчего он всем напоминал спаниеля) источали тепло и доброту. Сотрудники радостно зашевелились, как будто получив команду «вольно», сдержанно загомонили, кто-то откинулся на спинку кресла, кто-то воодушевленно пожал соседу руку. – Показатели у нас с вами, дорогие мои, прекрасные. Но... не волшебные.

Валерий Стефанович с какой-то невыразимой печалью осмотрел переговорную, с досадой (они же не понимают!)

наблюдая недоумение и растерянность на лицах сотрудников. И это ведь еще лучшие из лучших! Как им не ясно, что просто хорошо работать совершенно недостаточно. Если нет качественного прорыва, то они никогда не достигнут целей, которые он себе поставил. Просто работать лучше, чем в прошлом квартале – это так... разочаровывающе мелко.

Они должны каждый раз свершать невозможное, то есть делать столько, сколько никто никогда не делал. Он должен изменить этот мир, создавать немыслимое и масштабное. Масштабное вполне уже получается, а вот с немыслимым пока не очень. Технологическая проработка его идей буксует, прежний главный инженер, коренастый мужик с вечно торчащим бобриком уже седеющих волос, любивший повторять: «У нас нет технологических возможностей ввести в масштабное производство вашу гениальную идею, Валерий Стефанович», давно уволился, вероятно, устав слушать от босса: «Так это же наш профиль – создание невозможного, возможное создаст любой».

Вот хоть молодежь берется за новое с воодушевлением и энтузиазмом, но им не хватает то ли опыта, то ли знаний, чтобы довести хоть одну из его интереснейших идей последнего времени до конца. Все время какие-то срывы: то в поставках, то в технологиях, то в попытках отладить производственный цикл. Конечно, прежде отлаженное давно работает, и показатели идут вверх, но разве это может его по-настоящему радовать?

Валерий Стефанович оглядел сотрудников. Часть из них, кто работает уже больше семи лет – Сидягин, Покровский, Мацко, Ненашев – быстро спрятали следы недоумения от его речи и смотрели на него с тем выражением, с которым иной муж смотрит на любимую жену-истеричку, закатывающую очередной скандал на тему: «Как ты неэстетично ешь суп!» Новички, сбитые с толку его теплой улыбкой и разочарованным тоном, сдержанно пошумели и приготовились внимать, желая лучше понять своего босса и сделать все, чтобы порадовать этого чудесного человека с красивой копной темных, немного волнистых волос, грустными добрыми глазами и неограниченными возможностями.

Что уж говорить, почти все они хотели быть на него похожими. Сотрудники находили его весьма импозантным, для некоторых он был постоянным участником их девичьих грез, всем остальным очень нравилась его простота, с которой он объяснял сложные вещи, его готовность поверить в их гениальность, способность вдохновлять на невероятные свершения и короткая дистанция: от него не исходило ни холода, ни заносчивости, свойственной людям его масштаба. Рядом с ним они верили в то, что смогут воплотить задуманное и преодолеют любые преграды. Иными словами, они плотно сидели «на крючке» его веры в их талант и сверхспособности и готовы были на все, чтобы не разрушить это высочайшее доверие.

Четверка «бывалых» при этом почти дословно знала, что

последует за началом вдохновляющей речи их босса, поэтому все четверо уткнулись в бумаги, чтобы в их взгляде случайно не прочиталось усталое умиление, с которым взрослый смотрит на безудержно фантазирующего ребенка, еще не знающего, что жизнь непременно внесет коррективы в его вдохновенные фантазии. Во многом благодаря этим четверым, самым устойчивым и надежным, собственно, и удавалось удерживать и даже понемногу (а временами и достаточно активно, в зависимости от рынка) растить то, что есть.

Они любили его каждый по-своему. Сидягин – по-отечески, поскольку был лет на пятнадцать старше. Покровительственно и строго относясь к своей жене и сыновьям, он и на босса немного переносил отеческое отношение, впрочем, делал это предельно уважительно, заботливо и даже в чем-то лучше, чем к собственным сыновьям: как к самому старшему, талантливому сыну, чего-то важного, однако, не понимающему о жизни. Впрочем, чего именно, Сидягин и сам бы не смог сформулировать.

Покровский относился к начальнику с восхищением и опаской, потому что в производстве он понимал все, а вот в бизнесе – не очень, и как из всего получают такие огромные деньги, он никак не мог постичь. Несмотря на приличный заработок, которым распорядилась его хваткая и практичная жена, он жил скромно и не мог понять, почему нельзя остановиться и радоваться тому, что уже работает. Зачем продолжать создавать и строить все новое и новое, ведь за

всем этим большим хозяйством не уследишь? Да и к чему столько денег вообще? Кому-то, может, и нужно, но уж точно не боссу, тому как будто деньги и не в радость.

Мацко, будучи сам достаточно амбициозным, устремленным в своих профессиональных желаниях не просто далеко за горизонт, а в стратосферу, босса отлично понимал, грандиозные планы его поддерживал, смелостью мысли и дерзостью идей был всегда впечатлен, но временами опасался, что многого не предусмотрели, кое-чего не учли, и, просыпаясь от ставшего уже привычным кошмара – рушащейся Вавилонской башни, поглотившей под своими развалинами весь строивший ее народ, он бросался проверять бреши и дыры в договорах и контрактах, боясь подвести гениального босса и хорошего человека под грандиозный цугундер, соотносимый с размерам их компании.

Ненашев, вытщенный Валерием из-под судебного разбирательства, в которое тот влип на прежнем месте работы (главный бухгалтер в таком деле присел бы крепко), был ему бесконечно предан, работал безукоризненно и честно. Периодически его изумляли принимаемые боссом очевидно невыгодные финансовые решения, но, задав неприличный для его положения вопрос: «Вы уверены, Валерий Стефанович?» и получив ответ, всегда с невозмутимым лицом проводил многомиллионные транзакции. Значит, так нужно, боссу виднее.

Совещание закончилось с заходом солнца, вместо золотой

пыли комнату заполнили сумерки. Алевтина тихо вошла и включила свет почти одновременно с завершающими словами босса:

– На сегодня все, всем спасибо. И помните, что обычный человек, зайдя в тупик, идет обратно и ищет, где выход, а талантливый воспринимает тупик как дверь, к которой надо просто подобрать ключ.

Молодые задвигали стульями и, возбужденно переговариваясь, двинулись в свои офисы, на ходу пересматривая планы на вечер, ведь им еще предстояло подумать о двери, которую надо открыть, и желательно как можно скорее, чтобы шеф не заподозрил их в отсутствии талантов.

Четверка не торопилась уйти, и Валерий Стефанович присел в кресло. Алевтина почти тут же внесла поднос, на этот раз с чаем: молочный улун для Мацко, черный с молоком для Сидягина, а остальным простой черный.

– Послушай, Валерий! – начал Сидягин (он единственный из всех называл босса на «ты»), расстегнув пиджак и ослабив галстук (к вечеру он всегда страшно уставал от этой «удавки», к тому же пиджак вот уже некоторое время стал ему слегка не по размеру и стягивал грудь и живот). – Ты хочешь открыть в новом квартале еще четыре новых компании, дело, конечно, хорошее, идеи замечательные, но...

– Спиридон Фомич, дорогой, я знаю все твои «но», даже не начинай. Ситуация на рынке сейчас малопрогнозируемая, а когда она у нас была иной? У нас на стройке проблемы, за-

вод еще так и не заработал, форс-мажор на четвертом участке, закон новый ввели, без ножа нас режут. Все знаю. Но! Мы не можем просто остановиться и решать проблемы, нам нужно двигаться вперед. Если мы не ставим себе смелых целей, мы топчемся на месте. По стройке вопрос решает Меркушев...

– Он не решает, он в больнице, у него предынфарктное состояние, – доложил Покровский с полным ртом, некстати захрустев печеньем, так как за минуту «до» осознал, что сегодня весь день ничего не ел.

– Предынфарктное? – Валерий Стефанович с испугом и легкой тоской прислушался к собственному сердцу, которое уже давно давало сбои, стуча после шестой чашки кофе, как ему вздумается. – Ну значит, зам Меркушева решает. Кто у него зам?

– Зам у него молодой парень, вы его недавно взяли. Григорьев, кажется, по фамилии. Справится или нет – кто знает.

– Ну так возьми под свой контроль, поддержи Григорьева, пусть решает, раз он зам. И с четвертым участком надо решить вопрос, Спиридон Фомич.

– Так решаем, там непросто все, нужно урегулировать вопрос с ведомством.

– На переговоры с ведомством сходи, пожалуйста, ты, Олег Владимирович. Если что, я подключусь, – Валерий повернулся к Мацко, так некстати чувствуя, как внезапно покидают его силы, и если бы он только мог, то дотащился бы

до дивана в комнате отдыха, рухнул бы и проспал на нем лет сто, не меньше. Вместо этого они еще минут двадцать обсуждали, что неотложного кому предстоит сделать в ближайший день, помимо того, что у каждого из них на завтра уже давно и плотно запланировано.

На этот раз он не притронулся к чаю, и когда коллеги ушли, он еще какое-то время помечтал о том, чтобы, не вставая, как-то перенестись на диван. Потом все же встал, подошел к стеклу, за которым футуристично сверкал огнями Сити, опять на минуту представил себя птицей и поплелся в комнату отдыха, но не дошел до нее, свернул к себе в кабинет, сел в кресло, обхватил голову руками и на минутку закрыл глаза.

* * *

Альбина случайно заснула на солнце. Полосатый шезлонг был таким упругим, но мягким, полотенце – огромным и идеально махровым, тело как будто погружалось в нежный хлопок на полметра, ее тонкая рука с идеальным маникюром так прекрасно смотрелась на подлокотниках хорошего дерева, что она сфотографировала ее несколько раз: раза три с длинными, уже чуть загорелыми ногами и бассейном на заднем плане и еще раза четыре с бокалом шампанского, придвинув его прямо к телефону. Рассмотрев фотографии в телефоне и слегка отредактировав их для сториз, фото с

шампанским все-таки удалила (пошлость какая, сейчас любая фоткается с шампанским у бассейна) и опустила спинку шезлонга. Натруженная утренней разминкой спина расслабилась, и Альбина, повернувшись на бок, незаметно для себя уснула.

В это время игривое солнце Таиланда заглянуло за край зонта и вскоре уже щедро изливало ультрафиолет на стройную, тронутую лишь легким двухдневным загаром фигуру уже не юной, но прекрасно сложенной девушки, почти калачиком свернувшейся на левом боку.

Спалось ей глубоко и сладко, впервые за многие месяцы. Ведь когда ты медийная фигура, и почти каждая собака тебя знает, ты не можешь стоять, говорить, жестикулировать, улыбаться так, как тебе вздумается. Еще пять лет назад, когда ее карьера в инстаграме только начиналась, она прошла курс по правильному позированию: руки должны не прилипнуть к телу, чтобы казаться худыми; ноги – под нужным углом к камере, чтобы казаться длинными; поворот головы должен выгодно подчеркивать скулы; улыбаться нужно, не сильно растягивая губы. Правильный ракурс, выгодная сторона, нужный угол, свет на лицо...

За пять лет тело привыкло принимать правильные позы, зато минимум неудачных фотографий, даже когда тебя внезапно фотографируют посторонние. Когда-то ее совершенно сводили с ума ее ужасные виды в чужих сториз. Теперь другое дело – тело в любом состоянии принимает нужные, бо-

лее-менее фотогеничные позы, и ее не поймашь на неудачном ракурсе и странном выражении лица, поэтому выглядит она в свои «чуть за сорок» значительно лучше, чем в молодые, но неопытные двадцать.

Но сейчас, этим ранним и душным восточным майским днем Альбина спит как девчонка, согнув ногу и положив руки под щеку. Так расслабляются только младенцы на руках у хорошей матери. Ей снится бескрайний луг, трава высокая, ей почти по пояс, птицы поют, пахнет водой, где-то близко река. Ей жарко и так хочется быстрее добежать до воды, скинуть любимое желтое в синий василек платье, сбросить сандалики и плюхнуться в прохладу, визжа от неожиданного перепада температур и удовольствия. Но ноги увязают в земле, бежать все тяжелее, луг переходит в свежую пашню, чернозем жирный и засасывает ее, будто болото. В какой-то момент она уже не в силах вытащить маленькую ножку, увязшую в черной земле, и падает, с ужасом думая о том, каким черным теперь станет ее любимое платье. Она не может подняться, земля держит ее, солнце печет, и никто не приходит к ней на помощь.

Звонок телефона врывается в сон, и она с облегчением понимает, что все же может пошевелиться, тянется за телефоном и отвечает на вызов.

– Агата, у нас полный пипец! – в трубке зазвучал бас главного менеджера по тренингам – мускулистой, как борец, и чернобровой Карины, которую она, как и всех сотрудни-

ков, выдрессировала называть ее только псевдонимом – Агата Спасская. Альбина Свистулькина не может быть звездой. Карина прекрасно знает, что Альбина в отпуске, и если она все же звонит, значит, точно случилось что-то серьезное. – У нас одна участница совершила суицид. Она, конечно, не умерла, ее спасли, но муж ее оказался юристом, узнал, что она «наша», и теперь подает на нас в суд.

Альбина, ощупывая свой горящий бок, с трудом встает с шезлонга и идет к себе в бунгало, в тень, к кондиционеру, к стакану с ледяной водой.

– Ну, разберись, узнай, кто ее курировал, что у них там случилось, позвони Андрею Васильевичу, обрисуй ему ситуацию, спроси, грозит ли это нам чем-то. Чего ты от меня-то хочешь?

– Да я уже все сделала, курировала ее Нина Семашко, говорит, обычная тетка, лет сорока пяти, уже с нами проходила «Ты этого достойна», особых свершений у нее тогда не наблюдалось, записалась на «Твой великолепный век», прошла больше половины, они как раз только провели посвящение в Богини, как на следующий день ее бросает молодой любовник, уезжает в другую страну, и одновременно в этот же день она случайно на улице застает мужа с любовницей, вероятно, ее это очень расстраивает, она идет домой и глотает горсть каких-то таблеток.

Хорошо еще, что в тот день ее сын раньше из института вернулся. Так теперь этот ее муж-изменщик, чудило, на

нас в суд подает, каково?! Андрей Васильевич сказал, чтобы про суд не напрягались, замучаются доказывать, что это из-за тренинга.

Но! – Альбина, жадно напившись воды со льдом, опустилась в плетеное кресло, положив на стол длинные ноги. Телефон на громкой связи продолжал басить, и она морщилась то ли от самого звука, заглушавшего пение птиц, то ли от всех этих рабочих новостей, которые в отпуске всегда так некстати. – Подруга, которая, оказывается, всегда отговаривала ее от участия в наших тренингах, обратилась в прессу.

– И что это еще за хрень под названием «пресса»? Ты что имеешь в виду? В «Комсомольскую правду», что ли, обратилась или в «Московские новости»? Кто их теперь читает, – Альбина с неприятным подозрением и предчувствием осматривала свое красное правое плечо; неприятное жжение на правой щеке она попыталась успокоить, прижав к щеке запотевший стакан.

– Да если бы! Она связалась с самой Сосницкой, и та теперь хочет взять у тебя интервью по поводу наших женских программ. Представляешь, под каким соусом они все это могут подать, особенно, если ты не согласишься. Или ты согласишься дать ей интервью? Что мне ответить их администратору? Он будет перезванивать завтра утром.

У Альбины екнуло: об интервью с Сосницкой мечтает, конечно, каждая, и она не раз уже в уме перебирала луки, в которых она хорошо бы смотрелась на этой встрече, обдумыв-

вала локации, примеряла разные имиджи от «простой девчонки, как будто давно знакомой с Сосницкой» до «таинственной женщины, говорящей многозначительно и загадками, заставляющей зрителя гадать, что же именно она имела в виду». Но приглашение на интервью она, конечно, представляла себе в несколько других обстоятельствах.

– Скажи им, что у меня плотный график, и дату мы можем согласовать где-то примерно через месяц. Ничего, подождут. Это и не отказ, и этой гребаной подружке нам будет нечего вменить, но и время для подготовки тогда у нас есть.

– Все, поняла, ты – гений, как всегда. Кстати, раскрутку «Тебе положено счастье» мы уже начали, тексты написаны, ждем твои фото, в плане стоит со среды, так что ждем, у тебя же фотосессия завтра? Может, интервью это нам как раз поможет дораскрутить, потому что поток «стареньких» понемногу снижается, нужна «новая кровь». А на «счастье» должна клюнуть молодежь, а то эти дамы бальзаковского возраста как-то туговато идут в тренингах, не хотят меняться, портят нам статистику.

– Ты это... не грузи про возраст, нам самим-то помнишь сколько? – Альбина подошла к зеркалу, и боковой свет предательски подсветил слегка опавший овал и намек на борозды от носа к губам. Морщины были истреблены усилиями косметолога, но закон тяготения побеждал инъекции коллагена, к тому же вечный выбор «лицо или фигура» у Альбины всегда совершался в сторону фигуры, а значит, постоянное

похудение не помогало лицу выглядеть молодым и свежим. Но правая щека! Совершенно красная! – Черт! Вот же хрень какая!

– Стучилось что? – Карина удивилась внезапной смене настроения всегда такой уверенной начальницы.

– Мне кажется, я обгорела на солнце. Вот же черт! Отменяй на завтра фотосессию, я к вечеру буду красная как рак. Вот же хрень, уснула на солнце, – Альбина уже судорожно искала в сумке пантенол – без большого запаса лекарств она никогда не выезжала за границу. – Все, пока, разбирайся там.

Пантенол нашелся, она подскочила к зеркалу и оставила снежные сугробы на покрасневшей коже в надежде, что не слишком поздно. В детстве она часто обгорала: пьющую мать не сильно заботило, в чем ее дочь бегает на улицах их южного городка – пыльного, бедного из-за закрывшегося в перестройку завода. Кожа у Альбины всегда была бледная с синими прожилками вен, «вся в твоего папашку – шведа обдолбанного». В их дворе дети уже к середине мая были с золотистыми ручками и ножками, и загар их, к лету становившийся крепко шоколадным, потом не сходил до конца всю зиму. Она же почти все время была бледной, со светлыми ресницами, светло-русыми, невыразительного цвета тонкими волосами. Враги, каких у нее было немало, называли ее «молью», что было вдвойне обидно, потому что она знала, что если она и бабочка, то уж точно какой-нибудь экзотический махаон, ну никак не моль! Завистливые букашки города

Т* просто неспособны были понять ее истинную сущность.

Поэтому, конечно, она всегда хотела загореть, и загореть красиво, но вместо этого кожа на ее худеньких детских плечиках быстро краснела на майском солнце и часто шла пузырями, отчего к вечеру ей становилось страшно зябко, пузыри чесались и лопались, и сердобольная соседка, причитая и охая, поутру смазывала обожженные места сметаной и все приговаривала: «Ты ж беляночка, тебе на солнце нельзя, хоть панамку на голову надевай, а то ж тебя солнечный удар хватит! И куда только твоя мать смотрит?!» Но они обе знали, куда смотрит ее мать. Та смотрела лишь на дно бутылки, и беспокоило ее только одно – достаточно ли в бутылке утешительного.

– Я могла бы быть очень популярной актрисой, меня ведь даже в Щуку взяли. Кабы не твой папашка, будь он неладен, я сейчас бы снималась в этих дурацких сериалах, а не смотрела бы их в этой убогой дыре! – Альбина знала, что лучше успеть убежать на улицу, пока ее действительно красивая мать не перешла на визг и не стала швыряться тяжелыми предметами: синяк и ссадина на спине от прилетевшего будильника еще не зажили.

В общем, ощущения от солнечных ожогов мгновенно перенесли Альбину в тяжелое прошлое, ей даже показалось, что потянуло перегаром, нос мгновенно забило пылью, хотя за спиной тихо шумело море, бассейн источал прохладу, воздух был свеж, пели птицы, а ее бунгало на две недели сто-

ило как годовая зарплата небольшой бригады рабочих из их городка.

– Никогда больше, суки! *Никогда* я не вернусь туда, даже не ждите. Вы еще пальцем будете тыкать в телевизор и гордиться тем, что со мной в одном городе жили, – Альбина с досадой пнула предавший ее шезлонг, больно ударившись пальцем, села в мягкое кресло в тени у самого бассейна и раздраженно взяла в руки телефон.

– Фотосессия будет не со мной, отснимем тут красоту всякую, вон хоть мое бунгало. Так даже лучше, пусть на этом месте они увидят не меня, а себя вообразят, ведь это им «положено счастье». Поэтому и предложим им картинку счастья, пусть себя туда и вставляют. Фотографа не отменяй, пусть приезжает завтра, – быстро надиктовала она сообщение Карине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.